

—

XV.

В первоначальной сюжетной линии Коу Юаньшу именно таким способом — взяв всю вину на себя и покончив с собой — успешно переложил преступление по хищению оружия на Пятого принца и семью Ван.

Пятый принц не имел возможности оправдаться.

Вся столица знала о тесных связях между Коу Юаньшу и семьей Ван: как Коу уважал министра Вана, как нежно любил свою жену. Никто и помыслить не мог, что он способен намеренно подставить их. Более того, о мертвых не принято говорить плохо. Люди не стали бы обливать его грязью. Кто еще, если не ради спасения семьи Ван, мог заставить Коу Юаньшу пойти на такой шаг ценой собственной жизни?

Это умозаключение казалось слишком логичным. Для императора Юнцзя, разумеется, тоже.

Особенно учитывая, что, умирая, Коу Юаньшу хоть и признал вину в предсмертном письме, так и не выдал местонахождение похищенного оружия. Император обрушился с допросом на Пятого принца, но тот попросту не мог ничего выдать.

В итоге император Юнцзя решил, что сын упорствует в своем коварстве. В порыве ярости он навечно заточил Пятого принца в его поместье без права выхода, а благородную супругу Ван (Ван-гуйфэй) сослал в Холодный дворец. Министр Ван также был лишен всех чинов и отправлен в отставку. Оружие так и не нашли.

Зимой того же года император Юнцзя тяжело заболел. По дворцу поползли слухи, что государь намерен официально назначить наследника, а перед этим — расчистить для него путь. Первой была казнена в Холодном дворце Ван-гуйфэй, а следом указ и чаша с ядом должны были прибыть в поместье Пятого принца.

Узнав об этом, семья Ван и Пятый принц решили, что не могут больше бездействовать, и пошли на отчаянный шаг. За долгие годы семья Ван накопила немало ресурсов; они собрали сторонников и попытались совершить дворцовый переворот, но в итоге угодили в ловушку и были уничтожены под корень.

И хотя формально поводом для казни семьи Ван и Пятого принца стал мятеж, если бы не те события в начале, при всей власти Ван-гуйфэй во дворце они бы никогда не попались на столь простую уловку. Крепости всегда рушатся изнутри — вот насколько велик был вред, нанесенный одним лишь Коу Юаньшу.

Однако на этот раз, благодаря предусмотрительности Гу Сьюаня, Коу Юаньшу помешали принять так называемое «лекарство для ложной смерти». Более того, он узнал, что это был настоящий яд — «Красный гребень», и заговорщики действительно хотели его ликвидировать.

Но самое главное — он узнал, что сын от любовницы на самом деле не его.

Сяо Цзинчуань и Четвертый принц обманули его по всем фронтам.

Коу Юаньшу хотел отомстить семье Ван, но еще больше он хотел жить. К тому же люди с таким

предвзятым и чувствительным складом ума, как он, острее всего не терпят предательства и обмана со стороны тех, кому доверяли.

В приступе яростного безумия он во всех подробностях расписал сделку между ним и Сяо Цзинчуанем. К тому же, будучи человеком, привыкшим ходить по лезвию бритвы, он заранее подготовил пути к отступлению: сохранил бухгалтерские книги, переписку и прочие улики. Доказательства были настолько неопровержимы, что отрицать вину было невозможно.

Такой «нож», направленный в спину, при правильном использовании мог смертельно ранить врага. И Гу Сьюань не упустил возможности выступить в роли того, кто направит этот клинок.

В летнем зале Циньчжэн повисла такая тишина, что воздух казался застывшим. Слышно было лишь, как капает вода в ледяных чашах и изредка доносится стрекот цикад за окном.

Закончив объяснение мотивов Коу Юанью, Цинь Хуай обеими руками почтительно передал собранные улики евноху Лю, а тот преподнес их императору Юнцзя. Император бегло пролистал несколько страниц, и его лицо мгновенно потемнело.

Записи были слишком детальными. На них даже стояла личная печать из поместья генерала Чжэньнана. Поскольку эти вещи были изъяты совместными усилиями Трех ведомств, возможность подделки исключалась.

В этот момент Сун Ци ввел под конвоем Сяо Цзинчуаня. Едва переступив порог зала, Сяо Цзинчуань почувствовал давящую атмосферу, и его сердце наполнилось предчувствием катастрофы.

Император посмотрел на него и, не говоря ни слова, швырнул свитки ему под ноги. Его голос был ледяным:

— В моей гвардии Юйлинь, оказывается, затесался такой талант. Сяо Линь — неотесанный вояка, а вырастил сына с такой изощренной и коварной душой. Удивительно.

Свитки угодили Сяо Цзинчуаню прямо в лицо. Упав на колени, он взглянул на бухгалтерские книги и письма, и его спина мгновенно согнулась под тяжестью осознания. Он понял: Коу Юанью заговорил. Многолетние труды рухнули в один миг... Всё кончено.

Император Юнцзя спустился по ступеням. После череды вспышек гнева его лицо теперь казалось странно спокойным. Но это было затишье перед бурей. Он прошелся перед коленопреклоненными людьми и остановился перед Четвертым принцем, нанеся ему резкий удар ногой:

— Я действительно недооценил тебя! Обычно ты кажешься таким добродетельным и скромным, но за спиной ты обманывал отца и подставлял братьев, просчитывая каждый шаг.

На обычно мягком и миролюбивом лице Пятого принца отразилось изумление. Он прищурился, глядя на брата; в его душе бушевали штормовые волны. В книгах пишут: «собака, которая кусает, не лает». Он всегда был занят обороной от Первого принца и не ожидал, что этот незаметный парень в тени давно готовит ему смертельный удар. Ему было страшно даже представить, что случилось бы, если бы Коу Юанью действительно умер...

Первый принц тоже с содроганием смотрел на Четвертого. Если бы Пятого брата в этот раз удалось свалить, не стал бы этот тип следующим шагом избавляться от него самого? Ужас!

Четвертый принц отлетел на несколько шагов по гладкому полу, пока не ударился о стену у дверей. Было ясно, что император ударил в полную силу. Одежда и прическа принца беспорядочно растрепались, в уголке рта показалась кровь. Однако он оставался пугающе спокойным. Утерев кровь рукой, он посмотрел прямо на императора и с горечью усмехнулся:

— Я не старший и не сын законной супруги. У меня нет такой поддержки, как семья Ван. Что плохого в том, что я хотел большего и больше планировал?

Император смотрел на него безучастно:

— Плохо то, что мне это не нравится.

Он намеренно использовал личное «я», а не официальное «Мы», подчеркивая, что это разговор отца с сыном.

Четвертый принц горько рассмеялся:

— Отец, ты ведь не собираешься кормить меня сказками о братской любви? Смешно! Как ты сам получил трон? Разве не перешагнул через трупы своих братьев? Я тоже твой сын, почему мне нельзя желать того же?

Император безэмоционально ответил:

— То, что мог делать я, не означает, что можешь ты. К тому же, я с самого начала сказал: престол наследует достойный, а не старший. Ты, твой старший брат и пятый — все вы стояли на одной линии. Я никогда не выделял никого из вас, все трое получили равные должности в Шести министерствах. Я даже опасался тебя меньше, чем их. Прояви ты себя с лучшей стороны, я бы лишь больше доверял тебе. Но ты всё равно выбрал эти грязные интриги?

Четвертый принц замер. Спустя мгновение он саркастично улыбнулся:

— Какой смысл говорить об этом сейчас? Победитель получает всё, проигравший становится изгоем.

— Вижу, ты уже готов принять свою участь.

Император в последний раз взглянул на него, а затем обернулся к двум другим сыновьям и произнес сурово:

— К вам это тоже относится. Повторяю в последний раз: престол наследует достойный. Не делайте того, что мне не нравится, иначе последствия будут тяжелыми.

Возможно, когда-нибудь эта страна и перейдет к вам. Но сейчас император — я. И если мне что-то не по душе, как бы вы этого ни жаждали, вы не смеете этого делать. Сделаете — ответите по всей строгости. Это было негласное правило, невидимая узда; иначе при дворе воцарился бы хаос, и каждый был бы втянут в бесконечную борьбу партий.

Император Юнцзя размахистым шагом вернулся к столу. Его лицо было мрачнее тучи:

— Стража! Увести Четвертого принца и Сяо Цзинчуаня в тюрьму Министерства наказаний. Опечатать поместье принца и генерала Чжэньнана. Трем ведомствам немедленно начать расследование. Уверен, за эти годы мой «замечательный» сын успел натворить немало дел.

В этот момент у входа в зал Циньчжэн снова послышался доклад:

— Правый помощник министра наказаний Пэй Сянтянь просит аудиенции!

Цинь Хуай с любопытством взглянул на своего младшего коллегу. Пэй Сянтянь, не глядя по сторонам, опустился на колени:

— Ваш подданный приветствует Ваше Величество.

Император холодно усмехнулся:

— Говори. Посмотрим, какими еще сюрпризами ты меня сегодня порадуешь.

Пэй Сянтянь ударил челом о пол, его голос дрожал от напряжения:

— Ваш подданный получил тайный донос от чиновника академии Ханьлинь Гу Чжэня. В доносе сказано, что Четвертый принц и офицер гвардии Юйлинь Сяо Цзинчуань тайно обучают отряд личных воинов в лесах уезда Уцин округа Тунчжоу.

Император прищурился. Его взгляд, направленный на Четвертого принца и Сяо Цзинчуаня, теперь был таким, словно он смотрел на мертвецов.

Присутствующие в зале замерли: кто от ужаса, кто от изумления. Хотя многие догадывались, что похищенное оружие могло пойти на вооружение частной армии, услышать официальное подтверждение было совсем другим делом.

Четвертый принц действительно замышлял мятеж...

В тот момент, когда гвардейцы Лунсян постучали в ворота поместья генерала Чжэньнана, Шэнь Чанхуань принимал гостей. Он пригласил нескольких близких друзей-героев и знатных дам на чаепитие. Он был замужем за Сяо Цзинчуанем уже два года, и хотя детей у них пока не было, он стал полноправным хозяином заднего двора, и всё в доме подчинялось его воле.

После недолгой беседы кто-то из гостей с улыбкой заметил:

— Похоже, сегодня у Чанхуаня прекрасное настроение? С самой нашей встречи улыбка не сходит с твоего лица.

Шэнь Чанхуань коснулся своей щеки:

— Это так заметно?

— Ой, неужели случилось что-то хорошее? Расскажи нам, давай порадуемся вместе... — поддразнил кто-то.

Шэнь Чанхуань лишь покачал головой.

Как он мог рассказать? Он радовался тому, что Четвертый принц и Сяо Цзинчуань вот-вот избавятся от своих главных врагов — Пятого принца и семьи Ван. А поскольку семья Ван была дружны с Гу Сьюанем и Се Чаньюэ, это была бы идеальная возможность подстрелить двух зайцев одним выстрелом...

В этот момент в сад, спотыкаясь, вбежал слуга-привратник. Шэнь Чанхуань уже собирался отчитать его за невоспитанность, но слуга с перекошенным от ужаса лицом закричал:

— Молодой господин, беда! Гвардия Лунсян у ворот! Говорят, по приказу государя они пришли

обыскать и опечатать поместье генерала Чжэньнана!

Шэнь Чанхуань застыл, не веря своим ушам:

— Как это возможно?!

Не успел он договорить, как послышался шум и звон доспехов. Сун Ци во главе отряда гвардейцев ворвался во двор:

— Посторонним немедленно покинуть территорию! Указ императора: Сяо Цзинчуань обвиняется в государственной измене и мятеже. Отныне поместье генерала Чжэньнана опечатано, все члены семьи Сяо берутся под стражу и отправляются в тюрьму Министерства наказаний до окончания следствия!

По команде гвардейцы начали выламывать двери и хватать людей. В усадьбе воцарился хаос. Шэнь Чанхуань побледнел как полотно, его тело сотрясала крупная дрожь.

— Как же так? Этого не может быть! Произошла ошибка! — шептал он.

Он ведь устроил это чаепитие специально, чтобы отпраздновать победу...

Чанхуань пошатнулся, едва не упав, но двое гвардейцев подхватили его под руки и поволокли к выходу. Остальные гости, оправившись от шока, поспешили прочь, боясь оказаться замешанными в деле о мятеже.

Когда Гу Сьюань покинул императорский дворец, солнце уже клонилось к закату. попрощавшись с Цинь Хуаем, он направился напрямик домой — его миссия в этом деле на время была завершена. Хотя император Юнцзя, ценя заслуги Гу Сьюаня, не стал наказывать его за то, что его брат Гу Чжэнь знал о заговоре и молчал, Гу Сьюань предпочел сам подать прошение об отстранении от дальнейшего следствия. Знать, когда нужно отступить в тень — залог долгой карьеры.

В поместье цзюньцзюня Се Чаньюэ велел вынести в сад шезлонг. Он лениво полулежал, обмахиваясь веером, и одной рукой листал какую-то книгу, а другой — руководил слугами, которые пытались поймать для него стрекозу.

— Муж!.. — завидев Гу Сьюаня, он тут же вскочил и бросился к нему на шею.

Сьюань поймал его и невозмутимо заметил:

— Я смотрю, наш цзюньцзюнь изволит бездельничать.

Се Чаньюэ энергично замахал веером перед его лицом:

— Я не жадный, делюсь прохладой с господином Гу.

Гу Сьюань ущипнул его за нос и отпустил:

— Благодарю, но сначала мне нужно умыться.

На дворе стояло жаркое лето, а он весь день провел сначала в душной тюрьме, а потом во дворце. Одежда насквозь пропиталась потом.

Се Чаньюэ кивнул, нежно коснувшись щеки мужа, которая за последние дни немного

осунулась:

— Иди. Как следует отмойся, а потом приди и обслужи меня как следует, я буду к тебе ласков.

Гу Сьюань: .....

Совсем распоясался.

Он посмотрел на Се Чаньюэ долгим, нечитаемым взглядом, который ясно говорил: «Смотри, как бы тебе потом не пришлось об этом пожалеть».

Се Чаньюэ поспешно спрятал книгу за спину. «В следующий раз не буду такое читать, дурно на меня влияет».

Пока Гу Сьюань был в купальне, он услышал за дверью заискивающий голос супруга:

— Муж, я приготовил для тебя ужин!

Гу Сьюань улыбнулся про себя, решив, что вечером будет к нему добрее и, так и быть, помучает на один раз меньше. Он вышел, набросив легкий халат прямо на влажное тело. Волосы еще мокрыми прядями спадали на плечи — в такую жару ему не хотелось тратить время на церемонии, к тому же он был чертовски голоден.

Едва он вышел из купальни, как увидел Се Чаньюэ, сидящего за столом и сияющего улыбкой:

— Муж, посмотри, я сам выбрал блюда, которые ты любишь.

Сьюань сел за стол и, глядя на свои любимые кушанья, поддразнил:

— Господин цзюньцзюнь решил сначала накормить меня досыта, чтобы у меня были силы хорошенько «обслужить» его?

— ... — Чаньюэ надул губы.

Вот не поймешь: то ли у мужа память слишком хорошая, то ли он просто невероятно злопамятный... Но спорить с ним сейчас было опасно.

Се Чаньюэ взял мягкое полотенце и, встав за спиной Гу Сьюаня, принялся бережно промакивать его мокрые волосы.

— Муж, ну как, тебе приятно? — вкрадчиво спросил он.

Гу Сьюань сосредоточенно ел, не удостоив его ответом.

Чаньюэ скорчил рожицу ему в затылок. И тут его взгляд упал на полуоткрытый ворот халата, из-под которого виднелись крепкие, рельефные мышцы груди. Се Чаньюэ замедлил движения полотенцем. Вспомнив, как надежно и спокойно он чувствует себя каждый раз, засыпая на этой груди, он не удержался и коснулся её кончиками пальцев.

Гу Сьюань только отставил пустую пиалу и собирался прополоскать рот чаем, как это внезапное «нападение» застало его врасплох. Он перехватил шаловливую ладонь и поднял взгляд на супруга. Голос его стал низким и вибрирующим:

— Цзюньцзюнь так торопится, что решил сам приступить к делу?

Се Чаньюэ фыркнул. «Жадина, просто потрогал, подумаешь! Сам-то меня каждый день лапает».

Гу Сьюань одной рукой притянул его к себе на колени, а другой слегка сжал его надутые губки:

— Смотри, не раздувай пламя, а то потом опять будешь в слезах умолять о пощаде.

— ... — Се Чаньюэ попытался съжаться в его объятиях, притворяясь невидимым.

Гу Сьюань усмехнулся:

— Вечно ты так: сначала провоцируешь, а потом в кусты.

— А что значит «провоцируешь»? — с любопытством спросил Чаньюэ, заглядывая ему в глаза.

Сьюань посмотрел на него с самым серьезным видом:

— Это значит — вести себя в точности как ты сейчас.

Сказав это, он склонился и слегка прикусил его алую нижнюю губу. Се Чаньюэ зажмурился от удовольствия и невольно ответил на поцелуй, осторожно коснувшись его губ кончиком языка.

Они провели в объятиях друг друга какое-то время, наслаждаясь тишиной. Наконец Се Чаньюэ спросил:

— Гу Чжэнь сегодня был в Министерстве? Император не рассердился на тебя из-за него?

Гу Сьюань покачал головой:

— Гу Чжэнь не участвовал в заговоре, он просто случайно узнал о нем. Но в то время он был обычным ученым, как бы он посмел донести на принца? Его Величество человек справедливый, он лишь лишил его места в Академии Ханьлинь и велел возвращаться домой.

— Хм, легко отделался, — Се Чаньюэ задумался, а затем спросил: — А что с Шэнь Чанхуанем?

Сьюань вкратце пересказал события в зале Циньчжэн и добавил:

— Следствие продолжается, приговор еще не вынесен. Фракция Четвертого принца планировала всё годами; помимо хищения оружия и частной армии, наверняка найдутся и другие грехи. Нужно во всем разобраться досконально.

Се Чаньюэ не особо интересовали придворные интриги, но поступок Коу Юань у вызывал у него отвращение:

— То, что он сделал... это так странно. Неужели у всех мужчин такая логика?

Гу Сьюань ущипнул его за щеку:

— У большинства — возможно. Но не у меня. Я уже говорил: я люблю «есть мягкий рис» (жить за счет жены/мужа), и чужие пересуды для меня лишь забава.

Лицо Се Чаньюэ мгновенно стало пунцовым.

Он сам не понимал почему, но в голове снова всплыл тот разговор о «мягком рисе», и он невольно сжался в маленький комочек, прильнув к груди мужа.

Хотя Гу Сьюань говорил, что дело еще слушается и окончательного приговора нужно подождать, император Юнцзя в этот раз был в неистовой ярости. Три ведомства и министерства работали в тесной связке, проводя расследование с молниеносной быстротой.

Спустя пять дней пыль улеглась, и наказание для каждого было определено.

Император Юнцзя всё же проявил каплю милосердия к собственной крови и не стал казнить сына. Четвертый принц был сослан охранять императорские гробницы. Однако император издал особый указ: даже после его кончины Четвертому принцу запрещалось возвращаться в столицу для поминовения — признак того, что ненависть отца к нему достигла предела.

Но Сяо Цзинчуаню и Шэнь Чанхуаню повезло куда меньше. Император приговорил обоих к смертной казни через обезглавливание. Остальные члены семьи Сяо оказались замешаны в деле и были сосланы на каторгу в пограничные гарнизоны.

Семью Шэнь из поместья Суйнин лишили титула за «недостойное воспитание сына», отобрали резиденцию и разжаловали в простолюдинов. К этому семья Шэнь отнеслась лишь с благодарностью: к счастью, Шэнь Чанхуань уже был замужем и формально не принадлежал к их дому, иначе их, как и семью Сяо, ждала бы ссылка. Они с детства привыкли к роскоши, разве смогли бы они вынести такие лишения?

Что касается Шэнь Чанье, то хотя Гу Сьюань и бросил его ранее в тюрьму Министерства наказаний, его скудных мозгов явно не хватило бы на участие в создании частной армии. Его просто использовали по глупости. После лишения должности и тридцати ударов палками его, подобно куче гнилой грязи, выбросили перед дверями дома семьи Шэнь.

В это время в семье Шэнь как раз кипела битва за раздел имущества. Старшая ветвь хотела забрать всё себе. Второй господин и его супруга, разумеется, были категорически против. Но старшие аргументировали жестко: семья пала так низко только из-за их драгоценного сыночка, как им только не стыдно претендовать на деньги? Если они продолжают скандалить, их немедленно вычеркнут из родовых книг, чтобы не позорили фамилию.

В разгар спора слуги донесли, что Шэнь Чанье вернули. Второй господин и его жена в панике бросились к сыну и повезли его в лечебницу. Когда же они вернулись в поместье, дом уже был конфискован Министерством налогов, а на воротах висели печати. Всё имущество старшая ветвь успела вывезти в неизвестном направлении.

Наложницы второго господина тоже сбежали, прихватив серебро и украшения. От второй ветви осталась лишь эта троица без гроша в кармане, а в лечебнице их ждал избитый Шэнь Чанье, за лечение которого нужно было платить...

Прошло полмесяца с окончания дела о хищении оружия, и шум в столице понемногу утих.

Ван Суй прислал изысканное приглашение, позвав чету Гу в старинную лавку — одно из лучших заведений столицы. Лавка находилась на окраине Восточного города, в нескольких кварталах от переулка Юйшу. Дорога на экипаже заняла около четверти часа.

Когда Се Чаньюэ остановился перед дверью этой «старинной лавки», он долго стоял в оцепенении, прежде чем прийти в себя:

— Я-то думал... Прожил в столице десять лет и ни разу не слышал об этом «знаменитом месте». Оказывается, это обычная уличная забегаловка! Ван Сюй, ты становишься всё скупее.

— Какой же ты приземленный! Разве вкусная еда измеряется только серебром? Старинная лавка на то и старинная, что там вкусно без всяких вывесок и пафоса, — раздался громкий голос Ван Сюя из дверей.

Се Чаньюэ усмехнулся, скрестив руки на груди:

— Не потому ли наш благородный Шестнадцатый господин так заговорил, что на днях вломился в тюрьму избивать людей, за что Его Величество лишил его жалованья, а министр Ван перекрыл содержание?

Ван Сюй поморщился:

— Эх, ну зачем же так сразу в лоб...

Гу Сьюань и Се Чаньюэ рассмеялись и вошли внутрь. Ван Сюй услужливо усадил их за столик у окна.

— Я уже всё заказал, сейчас принесут. Хоть с деньгами сейчас и туговато, но еда здесь действительно отменная.

В этот момент подошел официант с большим подносом. На нем дымились три огромные миски и стояла корзинка. С громким стуком поставив заказ на стол, он ушел, даже не оглянувшись.

Гости слегка оторопели от такого «сервиса».

Ван Сюй протянул им палочки:

— Видите? Официант ведет себя так нагло только потому, что еда здесь божественная. Иначе бы клиенты его давно побили.

Гу Сьюань посмотрел на миски — это было три порции ароматного лучжу (тушеные потроха), а в корзинке лежали золотистые лепешки. Он давно не ел ничего настолько наваристого и острого. Не ломаясь, Гу Сьюань принялся за еду — такое блюдо нужно есть большими кусками, чтобы прочувствовать вкус.

Се Чаньюэ отправил в рот кусочек требухи, прожевал и довольно прищурился:

— И правда неплохо...

— Еще бы! Слово Шестнадцатого господина — закон, — рассмеялся Ван Сюй.

В летнюю жару от такой острой еды все трое быстро покрылись потом. Но беседа текла непринужденно. Ван Сюй, жуя свиные потроха, серьезно посмотрел на Гу Сьюаня:

— Брат, в этот раз я действительно должен тебя поблагодарить. Если бы не ты, моей семье пришел бы конец.

Гу Сьюань поднял голову и в своем привычном холодном тоне ответил:

— Главное, что ты это понимаешь.

— ... — Ван Сюй.

И это образованный человек? Разве ты не должен был сказать, что не ждешь благодарности? Проявить скромность? Впрочем... это же Гу Сьюань.

Ван Сюй улыбнулся:

— Семья Ван и Пятый принц этого не забудут. Но сейчас ты в большой милости у императора, им не с руки встречаться с тобой лично, чтобы не навредить. Так что отдуваться пришлось мне этим лучжю.

Сьюань кивнул. Эту логику он понимал лучше всех.

Закончив с благодарностями, они перешли на болтовню. У Се Чаньюэ аппетит был поменьше, он быстро наелся и стал перекидывать кусочки свиных легких из своей миски в миску мужа.

Ван Сюй, будучи холостяком, скривился от такой нежности и указал на деревянную кадку у входа:

— Не ешь — оставь. Хозяин здесь добрый, каждый день собирает остатки и бесплатно раздает местным нищим.

Се Чаньюэ соорудил ему гримасу:

— А мне нравится делиться с мужем. Ты мне завидуешь?

Ван Сюй вздохнул:

— Похоже, мама права, мне и впрямь пора жениться.

Закончив трапезу, они выпили по чашке чая и расплатились. Лавка была популярной, и засиживаться просто так было невежливо по отношению к хозяину. Выходя, Се Чаньюэ невольно заглянул в ту самую деревянную кадку. Вокруг нее собралось несколько оборванных попрошаек, жадно ждущих раздачи.

Взгляд Се Чаньюэ задержался на одном из них. Тот, почувствовав внимание, резко вскинул голову. Увидев Чаньюэ, нищий поспешно опустил лицо и, схватив миску, быстро скрылся.

Попрощавшись с Ван Сюем и сев в экипаж, Се Чаньюэ спросил мужа:

— Неужели вторая ветвь семьи Шэнь так и не вернулась в родные края?

Гу Сьюань:

— Шэнь Чанье не хочет возвращаться.

Се Чаньюэ кивнул. Он всё понял. Когда он жил в поместье, он однажды ездил с семьёй Шэнь на их родину. Тогда сородичи всячески заискивали перед ними. Шэнь Чанье вел себя заносчиво, презирал деревенскую родню и постоянно лез в драки со сверстниками. Теперь, оказавшись на дне, он просто не мог заставить себя вернуться туда, где над ним будут насмехаться.

Ранее, когда супруга второго господина Шэня пришла скандалить к дому цзюньцзюня, Гу Сьюань припугнул её: если явится еще раз — он переломает Шэнь Чанье ноги. В итоге он

выдал ей пять лян серебра, чтобы спровадить. Для прежнего поместья это были копейки, но для обычного человека — сумма, на которую можно долго жить в тепле и сытости. Однако прошло всего несколько дней, а она уже просит милостыню. Ясно, что эта женщина совершенно не умеет вести хозяйство.

Впрочем, это его больше не касалось.

Дни потекли мирно и счастливо. Гу Сьюань каждый день уходил на службу, Се Чаньюэ возился с цветами в саду или помогал родителям с домашними делами. А когда Гу Сьюань возвращался, они проводили время вместе.

За несколько дней до казни Шэнь Чанхуаня на пороге появилась семья Се из деревни Хуаян. Се Чаньюэ с недоумением смотрел на них:

— Вы хотите, чтобы мы с мужем просили императора о помиловании для Шэнь Чанхуаня?

Се Эр и Лю Чжи закивали.

Се Чаньюэ нахмурился:

— Вы хоть понимаете, что он совершил? Государственную измену и мятеж.

Се Эр неловко пробормотал:

— Но... Сяо Хуань вырос на наших глазах. Мы — одна семья. Неужели мы должны просто смотреть, как он умирает?

Се Чаньюэ холодно ответил:

— Можете закрыть глаза и не смотреть.

Лю Чжи схватила его за руку:

— Чаньюэ, я знаю, ты злишься из-за того, что произошло тогда. Но ты теперь такой влиятельный, у тебя всё хорошо... Не стоит больше с ним считаться, пожалей его.

Се Чаньюэ со смешком посмотрел на неё:

— Из-за чего мне злиться? С чего бы мне с ним «считаться»? Как у вас только наглости хватило прийти ко мне с такой просьбой.

Лю Чжи замялась.

— Просить о помиловании мы не будем. Но раз вы твердите, что вы с Шэнь Чанхуанем — одна семья, я могу помочь в другом. Я воспользуюсь связями в Министерстве налогов, чтобы прописку Шэнь Чанхуаня переписали на вашу семью. Тогда ваш сын Се Дун больше не сможет участвовать в экзаменах, и все потомки Се станут «детьми преступника», — Гу Сьюань вошел во двор широким шагом, его голос был ледяным.

Лица Се мгновенно изменились.

Се Эр засуетился:

— Зять, не надо горячиться...

Се Дун и вовсе вскочил и потащил родителей к выходу — он не собирался рисковать своим будущим.

Когда они ушли, Се Чаньюэ всё ещё сидел с мрачным лицом. Гу Сьюань притянул его к себе на колени и ущипнул за щеку:

— Подражаешь мне?

Се Чаньюэ фыркнул и прижался к нему:

— Муж, ты хоть сам замечаешь, что вечно ходишь с таким холодным и серьезным лицом?

— ... — Гу Сьюань.

Вот и делай людям добро.

Он коснулся мягкой щеки супруга, и на его губах внезапно расцвела легкая улыбка:

— Что, больше нравится, когда я улыбаюсь?

Се Чаньюэ замер на мгновение, а затем приставил два пальца к уголкам губ мужа, потянув их вниз:

— Лучше поменьше улыбайся. А если и улыбаешься, то только мне дома. Иначе я тебя загрызу! Гр-р-р!..

С этими словами он скрючил пальцы, имитируя когти, и, подобно маленькому львенку, смешно мотнул головой, издавая рычание.

Гу Сьюань озадаченно моргнул.

До чего же мило.

Только... ему показалось, что он уже видел где-то такого львенка. Маленького и пушистого.

Поддавшись порыву, он подхватил супруга на руки, отнес в комнату и бросил на кровать. Он не знал, когда этот львенок собирается его кусать, но сам он хотел «съесть» его прямо сейчас.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281598>